

28.09.2022

Любить солнце

Михаил Филиппов

Проза Виктора Слипенчука заставляет вспомнить фильм Михаила Калика. Кадр из фильма «Человек идет за солнцем». 1961

Передо мной первый том собрания сочинений Виктора Слипенчука (см. его рассказ в «НГ-ЕЛ» от 14.07.22). Вышло шесть из предполагаемых восьми. Каким аршином измерить его творчество? Можно вспомнить, что когда-то его стихотворение было опубликовано в газете «Черниговский колхозник». Это звучит!

Вот и начнем с биографии. Это большая книга судьбы: геологоразведчик, слесарь-сборщик, зоотехник, журналист, моряк, старпом, инженер-рыбовод и т.д. Беспокойная, полная приключений жизнь Виктора Слипенчука, да и время рождения – сороковые, роковые – залог того, что из слушателя Высших литературных курсов спустя 42 года вышел писатель. За плечами был солидный жизненный багаж. И в новеллах Слипенчука жизнь бьет ключом: «Мне семнадцать! Долой учебники! Здравствуй, жизнь! Я

спрыгиваю с грузовика и бегу к роднику. Я бегу через заросли дикого винограда и шатры кишмиша. «Я-я-ге-о-лог!» – «Ох-ох!» – удивляется тайга». И Васька, шофер, кричит ему, словно приветствуя будущего властителя дум: «Дурак ты, что ли?» Конечно, дурак, особенно по сегодняшним меркам. Или – Иванушка-дурачок, наступающий на те же самые грабли, о которые спотыкалась вся русская классика. Толстой зачем-то лез на севастиопольские бастионы, Достоевский томился на каторге, Бунин вымерял свои рассказы километрами пройденных дорог, скрепляя горьким опытом несчастных любовий, Чехов на свои деньги ехал на Сахалин, Катаев воевал и за белых, и за красных и т.д.

Но вот что главное в первых этих напоенных солнцем рассказах... Героиня одной из новелл спрашивает альтер эго героя: «Ты любишь солнце?» Сколько безоглядой романтики конца 50-х – начала 60-х в этом глупом вопросе! Сколько наивности и силы. «Солнце и дурак любит...» – отвечает герой. И вспоминается фильм Калика «Человек идет за солнцем». Помните, мальчик в Кишиневе идет за солнцем, за его бликами, промельками, светом? И Слипенчук, вернее, его герой, идет за солнцем. За запахом тайги, за туманом. Время такое. Оттепельное время, когда литература, из тени в свет перелетая, была медоносна.

«В низовье ручья протрубили изюбры. И сразу тайга ожила, зашумела, планета Луна белой сделалась и стала уходить всё дальше и дальше. Но я не испугался. Я надел рюкзак и пошел за ней, за планетой». Так рождается поэзия. Каждая новелла, что песня или стихи в прозе: «Лунза – это таежная деревушка. Она живет у подножия двух сходящихся сопок и имеет свою речку. Лунза живет тихо. Она живет тихо и ждет дождя. В дождь лунзовская речка несет такие воды, что по ней можно сплавливать лес. И Лунза сплавляет лес». Почти как у Толстого, который, по словам Шкловского, «описывал жизнь не такой, какой она есть, а такой, какая она должна быть». В новеллах Слипенчука жизнь такая, какой она и должна быть в художественном произведении: преображенная фантазией художника.

Жизнь – не нарисованный очаг в каморке папы Карло, она намного глубже и шире, чем реальность, погруженная поколением нынешних скептиков, хипстеров от литературы и прагматиков в упаковку темного исторического прошлого или светящегося глянца популярной издательской серии. Глянцевые мальчики, глянцевые девочки... А вот Виктор Слипенчук весь несуразный, несоразмерный, неформатный.

Я бы назвал его творчество заповедником чистоты. У Слипенчука есть цель, то, ради чего стоит тратить силы и жить.

Как учил великий Хэм, надо истекать кровью, а не клюквенным морсом. Да, кровью, как соком земляники, которую в новелле молодые геологи собрали

на кладбище: «Мы боялись пошевелиться – вся сопка была усеяна человеческими костями. Над нами стояло июльское солнце. Мясистая земляника истекала густым соком, и сладкий запах смерти отравлял голову».

Виктор Слипенчук. Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Художественная литература, 2022. Т. 1. – 371 с.
(Мастера русской прозы)

Любовь и смерть, начало и отсчет, большая земля, по которой он вымеряет масштаб своего творчества, своя путеводная звезда и правда... Правда, как тепло женского тела: «Я лежал с нею, как брат. Иногда, касаясь груди, я ощущал сладкий трепет, истекающий из ее сосков. Тогда жуткое волнение разрушало мой ум, и я порывался уйти». Настоящая литература целомудренна. Настоящее слово целокупно. Слипенчук не сорит словами. Его перекресток судьбы, крестословица дорог еще впереди...

В первый том включены четыре повести: «Смеющийся пупсик», «Зеленой улицей, или Здравствуй, кинематограф», «Перекресток» и «Огонь молчания».

Если поначалу писатель как будто наговаривает себе под нос, напевает, подбирает те слова, которые пригодятся позже для решения уже более глобальных задач, то более взрослый писатель уже словно остепенился.

«Перекресток» навеивает грустные мысли, и не только потому, что сегодня – это сеть магазинов. Слипенчук из того времени, когда это слово не

содержало в себе негативной коннотации. «Перекресток» – важнейшее звено в творчестве писателя. Промежуточный итог. Период взросления.

Но жизнь, словно камень, выпущенный из пращи, набирает обороты. Мудрость порождает многие скорби. И писатель тащит этот груз на себе, как бурлак. Это встреча молодости и зрелости со всеми вытекающими последствиями, проклятыми русскими вопросами и проблемами:

«Ехал в троллейбусе, а мыслями был там, на Петровке. Сколько ни прокручивал, как ни поворачивал беседу с Кротовым, внутри оставался неприятный липкий осадок – втянули его в какую-то спланированную интригу, в какие-то загодя расставленные силки. Что за силки, зачем и кому понадобились...»

Автор вышел из той породы, которая впитала в себя музыку слова Хэма, Шукшина, Юрия Казакова, Трифонова. Отсюда, видимо, такой мужской и краткий слог. Стилль – выразительный, экономный, телеграфный. Он будто заметки делает. Но емкие и выразительные диалоги склеивают весь этот пунктир, скоропись, солнечные блики в единое целое, словно бы отсекая все лишнее: «Владимир Яликов, шофер коростылевской автоколонны, сбил прицепом пожилую женщину. Вышло это так...» Все как будто бы буднично, но вот – беда, драма.

Слипенчук – кочевая звезда от солнца к человеку. Вчерашний солнечный мальчик, желторотый геолог, слушатель Высших литературных курсов укрощает стихию языка. От наивной юности здесь уже и след простыл. Так уж и простыл?

Судьба, парка сплела силки. Без них слушатель Высших литературных курсов так бы и остался слушателем, а не писателем.